

УДК 323.285

159.99

316.624

DOI 10.34823/SGZ.2020.5.51444

В.М. КАПИЦЫН

*доктор политических наук, профессор кафедры
сравнительной политологии факультета
политологии МГУ имени М.В. Ломоносова**

Экстремизм и терроризм: политико-психологическое сходство и различие

Автор анализирует содержание понятий «экстремизм» и «терроризм» и сопровождающих их терминов, показывает значение исследований политико-психологического сходства и различия экстремистской и террористической деятельности, влияние экстремизма как среды, подпитывающей терроризм, проявляющийся в качестве крайней формы экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, политико-психологические признаки, сходство и различие.

V.M. KAPITSYN

*Doctor of political science, Professor of
Department of comparative political science
Political science faculty of Lomonosov Moscow State
University*

Extremism and terrorism: Political and psychological similarities and differences

---

* Капицын Владимир Михайлович, e-mail: kapizin@yandex.ru

The author analyzes the content of the concepts «extremism» and «terrorism» and their accompanying terms, shows the significance of research on the political and psychological similarities and differences between extremist and terrorist activities, the impact of extremism as a medium that fuels terrorism, which manifests itself as an extreme form of extremism.

Keywords: *extremism, terrorism, political and psychological signs, similarity and difference.*

Современные вызовы и угрозы, связанные с проявлениями политического поведения и сознания, актуализируют изучение подобных явлений, особенно таких опасных, как экстремизм и терроризм. Причем разграничение этих связанных друг с другом, но в то же время довольно своеобразных феноменов заслуживает внимания как в теоретическом, так и практическом плане. С учетом этого представляется актуальным показать начальное (генетическое) политико-психологическое сходство экстремизма и терроризма, а также их стадияльное и мотивационное различие.

Для этого накопился значительный законодательный, политический правоприменительный материал, но в политологической и психологической литературе он еще недостаточно обобщен. Среди отечественных авторов значительный вклад в изучение политико-психологических аспектов экстремизма и терроризма внесли Ю.М. Антонян, С.В. Беликов, М.Ю. Гребенкин, И.Л. Морозов, Т. Нестик, Д.В. Ольшанский, А.Н. Смертин, В. Соснин.

Экстремистская деятельность может стать идейной и психологической предпосылкой, стимулирующей акты террористов. Экстремистские настроения и организации создают среду, благоприятную для формирования террористических групп. В частности, в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 2 декабря 2019 г. № 421-ФЗ) отмечены направления влияния экстремистских движений, их воздействия на психику и сознание людей. Например, «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии», «использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или

символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев ..., при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии», «публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов...». Все эти воздействия способны создавать условия для формирования психологической среды, благоприятной для подготовки и проведения террористических актов.

Терроризм же характеризуется как крайнее проявление экстремизма, когда установки экстремистов «заостряются» до перехода в готовность к пропаганде терроризма, подготовке, заказу и (или) исполнению террористических актов. Как правило, на данном этапе экстремизации сознания укрепляются («дозревают») психологические установки подавления и (или) отвержения гуманности вплоть до осознанного пренебрежения явной и значительной общественной опасностью деяния и выхода на прямой вызов обществу и государственной власти путем участия в террористическом акте или серии актов.

Групповые и индивидуальные интересы и психологические установки исполнителей экстремистских и террористических актов, их мотивации могут значительно отличаться от интересов и установок заказчиков и идеологов. В складывающемся замысле и причинах экстремистского поведения могут сочетаться корыстные личные, организационно-коммерческие, клановые, этнически окрашенные интересы, фрустрации, мотивы мести, акцентуации характера, ситуационные перепады настроения и другие проявления индивидуальной и (или) групповой психики. В подготовке и проведении террористического акта, как правило, все эти социальные и психологические компоненты поведения приобретают более выраженную, по сравнению с экстремизмом, политико-психологическую окраску. Специалисты не случайно стремятся понять, как разрабатывается стратегия информационного воздействия на экстремистские группировки и направления информационно-психологической работы с

населением¹, что важно для пресечения подготовки и совершения террористических актов.

Исследователи также проводят разграничение рационального и иррационального экстремизма. Такое деление не получило достаточной разработки в отношении терроризма, тем не менее его причины и последствия могут анализироваться в подобном ключе². А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов обратили внимание на такие мотивационные признаки террористической деятельности, как субъективная привлекательность, субъективная убедительность оправдания терроризма, связь его с идеологией как планом построения идеального общества и реализации инфантильных сценариев³. Такие мотивационные характеристики принимают политико-психологическую окраску уже при их выработке в начале процесса экстремистской деятельности. Но пропаганда террористической деятельности направлена на убеждение в необходимости насилия над другими, ничтожности жизней «инертной массы» перед реализацией замысла террориста.

Мотивацию террористической деятельности может усиливать также иррационализм личной мести, религиозного фундаментализма, ненависти к «чужим» в этическом, национальном, расовом, религиозном плане. Иррационализм может стимулировать готовность «наказывать» ни в чем неповинных людей, включая женщин и детей, оказавшихся в общественном транспорте, супермаркете, на митинге, празднике, демонстрации. Не случайно террористы-одиночки или мини-группы террористов с неясной иррациональной мотивацией в определенных случаях могут в силу своей непредсказуемости представлять собой наибольшую опасность для населения и спецслужб.

Актуально изучение стимулирующего влияния экстремизма на процесс перерастания различных проявлений радикальных настроений и действий в терроризм. Экстремизм

---

¹ Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Политические исследования (Полис), 1998, № 3(45), с. 211-219.

² См.: Римский А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // Научные ведомости, 2009, № 16(71), с. 246.

³ См.: Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Психологические причины терроризма // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Т. 1. М.: МЦНМО, 2009.

представляет собой идейно-психологическую среду для вербовки и фактор политизации терроризма. Среда экстремистов более широкая, чем круг террористов, и без такой среды невозможно подпитывать террористические сети. Мотивация экстремистов может, например, подогреваться недовольством коррупцией и недостатками регулирования общественных отношений, представляемых как погрузившиеся в «тьму» рынков разрешения на нарушения законов. На таком «рынке» правоохранители, санитарные врачи, пожарные (список можно продолжать) вступают в преступный сговор с правонарушителями. Это особенно часто проявлялось в 1990-е гг., а по инерционному наследству и в 2000-е гг., о чем писал, в частности, О.Н. Яницкий¹. И что еще не преодолено до сих пор.

Возрастает значимость анализа идейно-психологической атмосферы, различных групповых идентичностей, сопутствующих росту социально-психологической привлекательности и политико-психологической радикализации экстремизма. Это необходимо для понимания запрещенных в России террористических организаций ИГИЛ, Джавкат-ан-Нусра, «Правый сектор» и т.п.

Реальность дает свежие примеры различия экстремизма и терроризма и блокировки последнего на примере событий в США в мае-июне 2020 г. Политико-психологические установки демонстрантов, «оседлавших» проблему расовой дискриминации в контексте серьезных сбоев здравоохранения и антиэпидемиологической деятельности властей, не раз переходили на экстремистские «рельсы», но не переросли в террористические акты. Изучение этих событий интересно в плане противодействия экстремизму и терроризму, выяснения, были ли там предпосылки для проявления «вовне» крайних экстремистских, близких к терроризму установок. А если были, то что помогло предотвратить их (преобладание мирного характера протестов, примирительная позиция полиции и национальной гвардии, работа спецслужб, осторожность губернаторов и т.д.). По всей видимости, сложилось взаимодействие противодействующих экстремизму и терро-

---

¹ См.: Яницкий О.Н. Теневые отношения в современной России // СОЦИС, 2001, № 5, с. 149.

ризму факторов, в том числе учета политико-психологических установок населения как со стороны «дирижеров» протестных настроений, так и властей.

Отличие экстремизма и терроризма улавливается в степени остроты и крайности проявления протестных мотиваций, выраженности и устойчивости антигуманистических установок, идейных убеждений, мотиваций, переводящих сознание и подсознание людей в готовность провести наиболее опасный антиобщественный акт (серию актов). Различие связано и с властно-нормативной стороной, в том числе готовностью спецслужб различать экстремистскую и террористическую деятельность и меры пресечения соответствующих деяний, возможность введения особых режимов проведения оперативно-розыскных действий, контртеррористической операции, введения чрезвычайных ситуаций и процедур судопроизводства.

Анализ работ специалистов позволяет выделить ряд существенных признаков, важных для политики противодействия угрозам экстремизма и терроризма.

1. Терроризм, как и экстремизм, выступает в качестве *идейно-ориентированного насилия, обретающего политико-психологический характер*. Возникает множество коннотаций, связей понятий воздействия на сознание (идеология, насилие, идейный конфликт). Уже отмечалось, что Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35 ФЗ (в ред. От 18.03.2020 г., ст. 3, п. 1) определяет идеологический компонент в качестве составляющей терроризма. В литературе операционализируются понятия «идеология терроризма» и «терроризм как идеология»¹. Противодействие экстремизму и терроризму для обеспечения безопасности человека, общества и государства предусматривает выявление характера идей, которые его питают, а также в не меньшей мере особенностей влияния таких идей на сознание людей, их идентичности.

2. Современный терроризм как явление значительно изменился в силу того, что получает экстремистскую «подпитку» через множество новых, в том числе полуправильных и

---

¹ Дашкова С.В. Идеология современного терроризма // Вестник Калмыцкого университета, 2017, № 2; Тонкоподрядченко Н.Д. Террористическая идеология: сущность и проблемы противодействия // Вестник науки и образования, Часть 3, 2019, № 3.

довольно эффективных каналов социальных сетей. В прошлом терроризм замыкался в узких локусах, «капсулизовался» в группах, узких по кругу доверия и связей, превращался в конспиративные ячейки с тайными идеями и программами. Террористические группы, прежде чем превратиться в сеть, инспирировались из определенного «эпицентра», каковым выступало сознание, психологический настрой, знания и убеждения отдельных идеологов и (или) лидеров и их узкого окружения. Конечно, и сейчас в противодействии терроризму значительное внимание уделяется изучению личности лидеров и рядовых членов группировок, убеждений, мотиваций, когниций, акцентуаций. Но теперь серьезно изменились локальные идентичности, среда формирования идеологии и психологических установок террористов в социально-когнитологическом и информационно-организационном планах, появились «сети» с довольно проявленным информационным продвижением и пропагандой.

3. Экстремизм, а вслед за ним и терроризм могут выступать в качестве варианта *самозащиты меньшинства*, в конечном счете, это – реакция политического, социального, религиозного, экономического меньшинства против тех или иных действий большинства¹. Специалисты обращают внимание на то, что терроризм возникает тогда, когда оказываются исчерпаны все ресурсы для диалога, укореняется субъективная уверенность сторон в том, что взаимодействие в форме диалога не способно обеспечить их интересы. В этом плане интересно изучение сайтов, касающихся проблем Крыма, крымско-татарского населения, Украины. Некоторые русскоязычные сайты пытаются выступать от имени представителей тюркских народов, причем среди отвечающих требованиям законности материалов с критикой политики России и, например, Армении, там размещаются материалы и «комменты», балансирующие на грани перехода к разжиганию межнациональной розни. Подобные сайты, даже при учете возможности их заказного происхождения, играют обоюдоострую роль при воздействии на сознание читателей и комментаторов. С одной стороны, могут давать объективную критику и возможность разряжать личное политико-психологическое напряжение (недовольство окружением, властью, ма-

---

¹ Ольшевский Д.В. Психология терроризма. СПб: Питер, 2006.

териальным положением, этнонациональными отношениями)¹. С другой стороны, могут подогревать недовольство и радикальные настроения среди пользователей социальных сетей, искажать восприятие действительности и дезориентировать общественное мнение.

Безусловно, для противодействия терроризму необходимы исследования причин и факторов зарождения, распространения идей и установок экстремизма и терроризма, в том числе основанных на остаточных явлениях прошлого, исторических травмах в развитии народов, в частности природы религиозного фундаментализма². Социокультурный, идейный, социально-психологический, политико-правовой, глобальный контексты серьезно влияют на политико-психологическую составляющую экстремистской деятельности.

Отражение динамики настроений, прорывающихся сквозь толщу наслоений и манипуляций в социальных сетях, также становится перспективным направлением исследования. В том числе для характеристики сознания как радикалов, так и колеблющихся («плывущих по течению» по теореме М. Ольсона): последние могут мобилизоваться и, по крайней мере, переходить к симпатиям относительно экстремистской деятельности. Социальные сети обладают политико-психологическими ресурсами, например, могут накладывать «санкции» при малых издержках (позор, честь, бойкот), склоняя к принятию того или иного мнения. Через «сети» передается специально интерпретированная информация, в том числе, и способствующая расширению влияния идей этнической эксклюзивности («избранности», «чистоты»), насаждению мнений о потерях ресурсов какой-либо группой населения (истинная вера, престижные властные должности и рабочие места, природные богатства, суверенитет и т.д.). Это может расширять коллективную поддержку акторов, склонных к экстремизму и терроризму.

---

¹ При этом последовательный анализ контента может дать возможность характеризовать сдвиги к экстремизму в среде пользователей сайта.

² См. подробнее: *Капицын В.М.* Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму в социальном и политико-правовом контексте современной России // Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма / Под ред. Л.Н. Панковой. М.: МГУ, 2010.